

Почему мы вновь наступаем на те же грабли? Особенности культуры и экономики России

Б.Г. МИРКИН, доктор технических наук, Факультет компьютерных наук НИУ ВШЭ,
почетный профессор Лондонского университета

Сделана попытка доказать, что особенности россиян и российского общества упираются не в психологические или природные характеристики, на которые указывают признанные авторитеты, как русофилы, так и русофобы. Дело не в них, а в склонности россиянина верить в то, что каждое общественное событие, явление или процесс имеют в своей подоплеке некую единую «подноготную правду», которая его и объясняет. Из этой идеи автор выводит такие особенности российского общества и индивидуального сознания, как повторяющаяся историческая «колея» централизма и авторитаризма, отсутствие независимой судебной системы, нежелание населения бороться за свои гражданские права, невозможность независимого от правительства технического прогресса, «широта души» и склонность россиян к неопределенности, а иногда и противоречивым поступкам, и многие другие.

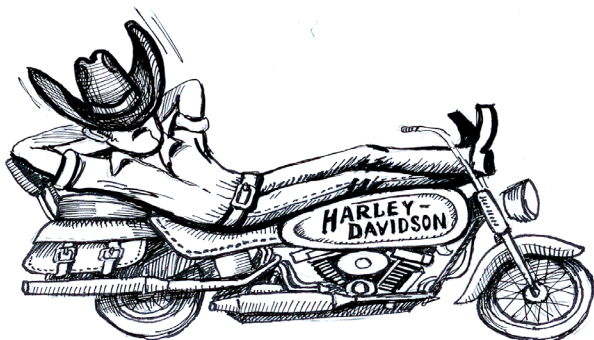
Ключевые слова: Единая правда, структура личности, идеал структуры общества, централизм

*«Умом Россию не понять.
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить».*

Ф.И. Тютчев, русский дипломат и поэт

Russia is a riddle wrapped in a mystery inside an enigma («Россия – это загадка, упакованная в тайну, спрятанную в непостижимость»).

У. Черчилль, английский политик и писатель

Два эпитафия, два представителя противоположных политических лагерей, а мнение одно и то же: в России ничего нельзя понять, настолько нелогичны и противоречивы ее проявления. Ну вот например: является ли русский европейцем?

С одной стороны, конечно, да. Однако ж есть и существенные отличия. Недавний расстрел редакции юмористического еженедельника двумя фанатиками в Париже – хорошая лакмусовая бумажка. Отношение европейца-француза: «Нас не запугать. Мы будем продолжать рисовать карикатуры, связанные с пророком Мухаммедом!» Отношение русского: «Конечно, убивать нехорошо. Убийцы должны быть наказаны. Но и карикатуры больше появляться не должны, раз они так оскорбляют чьи-то чувства». Конфликт свободы с необходимостью социального уважения.

Нам говорят: «Франция долго боролась за свободу слова, более века утверждая словом и делом, судьбами выдающихся мыслителей и чередой народных восстаний, что религиозные книги, написанные в древние – да и более свежие – времена, не могут и не должны подавлять свободу мысли и прогресс. На Востоке не было Просвещения, поэтому вы в России, на Ближнем Востоке и других местах остаётесь варварами, над которыми довлеют старые догмы. Поэтому вы всегда будете в Европе отщепенцами, вас все будут шпынять до тех пор, пока вы не переменитесь и не станете такими же, как мы».

Но можем ли мы стать такими, как они? И – хотим ли?

Многие считают, что мы и так такие же, как они, а все различия – случайные и несущественные. Увы, это не так. И дело – не за малым. Мы-таки отличаемся. Но в чем? Попробуем ответить на этот вопрос.

Поразмышлять над этим особенно полезно сейчас, когда после 25-летия реформ снова проявляются все те недостатки, которые привели к краху социалистической системы и развалу СССР, ополовинившему нашу территорию:

- полное отсутствие мотивации к техническому прогрессу,
- негибкость производственных и управленческих структур,
- неэффективность системы планирования,
- система контроля и продвижения, основанная на лояльности, а не на эффективности,
- вымывание сельского населения,
- безнаказанная круговая порука как «наверху», так и «внизу».

В статье излагается мой ответ на вопрос о граблях в заголовке. Я пришел к нему в результате наблюдений, сделанных в процессе многолетних странствий по университетам Запада. Этот ответ приводит к выводам, которые в чем-то пересекаются, а в чем-то и дополняют ту огромную литературу, в том числе научную, в которой обсуждаются данные вопросы (см., например, интересные работы [1–6; 7. С. 58–65; 8]). Более полное изложение моих размышлений можно найти в материале [12].

Правда – специфически русское понятие

«Душа русского народа всегда искала своих корней в Боге и Его земных проявлениях: в правде, праведности и красоте...».

И. А. Ильин (1883–1954) О русском национализме. – М.: Российский фонд культуры, 2007. – С. 16.

«Не в силе Бог, а в правде».

Князь Александр Невский (традиция)

Помните нашумевший фильм 1990-х, «Брат», во втором выпуске которого незабываемый герой Сергея Бодрова убежденно объясняет американскому бизнес-жулику: «Вот скажи мне, американец, в чём сила? Разве в деньгах?.. Я вот думаю, что сила в правде. У кого правда - тот и сильнее. Вот ты обманул кого-то, денег нажил, и чего, ты сильнее стал? Нет – не стал! Потому что правды за тобой нет! А тот, кого обманул, за ним правда. Значит, он сильнее. Да?!». (Американец поспешно соглашается. Он хорошо понимает главный аргумент, помогающий по сюжету правде и ее праведной борьбе – взведенный курок пистолета в руке Брата.)

Для русского человека правда – понятие, характеризующее не только отношение к миру реальному, но и к миру нравственности. Этим понятие «правда» отличается от более реалистичного понятия «истина», в котором нет места субъективным нравственным ценностям: истина безлична и опирается на факты, а не убеждения. Многие отмечают, что использование понятия правды наряду с понятием истины не характерно для основных европейских народов. Англичане имеют понятие «truth», немцы – «wahrheit», французы – «verite», соответствующие понятию «истина». Для «правды» в этих языках специального слова нет.

В русском слове «правда» соединяются два значения – «правда как объективная истина и правда как внутренний закон, справедливость» [9]. На личностном уровне правда и справедливость выражаются через совесть: «Собственно, по-русски “жить по справедливости” означает “жить по правде” или “жить по совести”» [10]. Это смыкается с подчёркиванием понятия «совесть» как доминанты русского характера в [1, 2, 4, 6] и огромном количестве других источников.

Нечёткость границы между делом и словом

Отказ от чётко выраженной границы между характеристиками мира вещественного и мира ментального, явленный нам в значении слова «правда», характерен не только для русских. Достаточно вспомнить платоновские «эйдосы» – идеи, предваряющие объекты реального мира, или евангельское «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Но в современной Европе, пожалуй, только для русских характерно проникновение подобной телеологичности в самые повседневные понятия.

Речь идет не только о «правде». Характерны русские понятия, выраженные сопряжёнными парами глагол – существительное: «решить/решение» и «определить/определение». Англичанин, как и другие европейцы, четко разделяет два действия, каждое с соответствующим ему результатом: (1) «decide/decision» и (2) «solve/solution». В первом случае речь идёт о принятии решения как чисто волевым акте, во втором – об отыскании решения проблемы, поставленной или возникшей перед решателем извне. В русском языке эти два значения слиты в едином понятии «решить/решение». Когда в СССР центральная газета «Правда» заклинала: «Решения партии – в жизнь!», она хорошо использовала эту двойственность – решения партии были не более чем планами, а чаще – извещениями о намерении («Создадим материальные предпосылки коммунизма к 80-му году!» – так, например, было написано в программе КПСС 1961 г.).

В сознании населения эти решения-намерения впечатывались как действительные решения проблем. Аналогичную роль играет

понятие «определить», означающее одновременно и английское «define» – дать название, и английское «determine» – найти значение с помощью вычисления или другого ментального процесса. Конечно, любой нормальный россиянин легко различает эти два процесса. Но на уровне российского социума между ними большой разницы нет. Иначе – зачем надо было использовать одно и то же слово для таких разных действий? Но подсознательно люди уверены, что хорошее определение (название) – главная часть действительного решения проблемы: «Хорошее начало – полдела откачал!».

Существует мнение, что отсутствие чёткого разграничения между вещественным и ментальным мирами – свидетельство определённой незрелости, «детскости» российского восприятия действительности. Возможно. Вспомним, однако, о квантовой физике, которая на наших глазах превращается из предмета метафизической схоластики в мощное средство ускорения вычислений. В определённых экспериментах с прохождением светового луча через микроотверстия экспериментатор будет видеть разные результаты в зависимости от того, рассматривает он свет как движение частиц или как распространение волн. А последние новости с переднего края физической науки вообще предполагают уже нечто совсем антинаучное – якобы вся наша вселенная с ее физическими законами и константами – такая уникальная структура, которая одна только и могла породить белковую жизнь, включая человечество. Значит, наличие в языке понятий, в которых заложено одновременно и объективное, и субъективное, может свидетельствовать скорее о зрелости, чем о незрелости.

Единственность правды

Ещё более специфическая особенность россиянина – склонность считать, что в основе каждого явления или процесса лежит та единственная правда, которая, возможно, скрыта многочисленными покровами и завесами, но до неё можно прийти и докопаться. Ведь правда идёт от Бога, а Бог – один. Недаром русские, как сообщает «Повесть временных лет» – древнейший источник по истории восточных славян, не просто приняли православие, но выбрали его в X веке в процессе анализа основных монотеистических религий, включая ислам, католицизм и иудаизм. Одной из доктрин, существенно отличающей эту ветвь христианства от других, является то, что ипостаси Троицы – Бог Отец, Бог Сын

и Бог Святой Дух – в православии не считаются равноправными. Первый является старшим, в отличие, скажем, от католичества, которое принимает, что все три сущности равноправны. То, что сказал старший – будь то Бог Отец или просто отец семейства или даже вождь народа – это и есть правда.

Несмотря на то, что у каждой группы участников какого-нибудь конфликта или процесса – своя правда, своё толкование причин и следствий и свое сознание собственной правоты, существует понимание, что над всеми этими «местными» правдами есть та единственная правда, доступная, может быть, только Богу, которая и является первоосновой.

Далее я рассмотрю основные черты русского поведения и покажу, что они вполне согласуются с постулатом единственности правды. Давайте задумаемся в то, как представляет себе мир человек единой правды.

Идеальная структура российского общества

Какой должна быть структура взаимоотношений в сообществе людей, убеждённых – конечно, не все, но в массе, – в единственности правды? Довольно-таки простой.

Каждый член сообщества понимает про себя – я слаб, я греховен, я мало что знаю – как же я могу знать правду? Никак не могу. Должен быть кто-то, кто силен духом, кто сам или с помощью Господа-Бога может проникать в природу вещей – пророк или что-то в этом роде; пусть он и говорит правду. Но как распознать пророка? Как отличить пророка истинного от лжепророчествующих? А как быть, если в данный момент в данном месте пророка вообще не случилось (что типично для истории России)?

Как узнать правду, когда общепризнанного пророка нет? Русская мысль склоняется к идее соборности, первоначально сформулированной для обозначения религиозного единения, а в последнее время все чаще переносимой и на всё общество. По Н. Бердяеву – «Есть круговая соборная ответственность всех людей за всех, каждого за весь мир, все люди – братья по несчастью, все люди участвовали в первородном грехе, и каждый может спастись лишь вместе с миром» («Философия свободы. Смысл творчества»). Ему вторит митрополит Иоанн (Снычев): «... соборность – это сознание духовной общности народа, коренящейся в общем служении, общем долге. Смысл этой общности в служении вечной правде, той Истине, которая

возгласила о Себе словами Евангелия: “Я есмь путь и истина и жизнь” (Иоанн 14.6)».

Коммунистическая партия семьдесят лет морочила головы себе и людям, что якобы поняла законы развития человечества. Она подняла народ на строительство коммунизма, сильно похожего на соборность, хотя и без религиозного компонента (зачем религия, когда правда – правда коммунизма – и так известна?), да и выдохлась. Не выдержала соревнования с капитализмом, который вместо слов обеспечивал народы действительным прогрессом и связанным с ним комфортом. Малодушное стремление сослаться на внешних врагов или предателей в собственной среде не поможет. Советская власть не выдержала потому, что не могла обеспечить технического прогресса, без которого не то что рай на земле, но и простое выживание народа не обеспечить; так, один застой.

Народу, исходящему из идеи единой правды, ничего не остаётся, кроме как довериться центральной власти: уж она-то должна знать правду, хотя бы потому, что у нее одной есть возможность собрать всю информацию. А уж мы ей поможем – всё, что знаем, выложим, да и то, что чувствуем или подозреваем – пожалуйста, лишь бы только помочь ей, а через нее – всему народу – в поисках правды. Тут нет места англо-американским понятиям о праве личности и границах государственного вмешательства в частную жизнь. Тут, понимаешь, общенародное дело – правду ищем!

При сколь-нибудь значительной массе населения и/или занимаемой территории центральная власть не может справиться с управлением. Все помнят о страшной участи князя Игоря Олеговича, самолично отправившегося в полюдь на древлянскую землю. Центральной власти нужны представители на местах.

Структура российского общества в исторической перспективе

Таким образом, возникает идеальная трёхзвенная структура общества – центральная власть, представители власти на местах и население. К сожалению, структура проста только на бумаге. Реальность куда сложнее. Едва освободившись от татаро-монгольской зависимости, молодое московское государство оказалось связанным многочисленными группами наследовавших сословий местной власти, каждое со своими понятиями о правах и обязанностях. Это заставило центральную власть ввести так называемую поместную систему, выдавая землю – вместе с обрабатывающими

её крестьянами – во временное владение своим служащим. Такая система – на бумаге – идеально реализует представления царя и народа о правильной организации государства. К сожалению, не подумали о том, как быть, когда служба заканчивается. Конечно, наилучший исход для служивого, это когда поместье остаётся в его распоряжении и после отставки, что и происходило, правда, с нагрузкой – необходимостью служить детям, а потом и их детям. Эта необходимость иногда ослаблялась, иногда усиливалась, пока, наконец, Екатерина II не оформила сложившуюся к XIII в. ситуацию в манифесте о «вольности дворянства», упраздняющем связь между поместьем и службой (1785). Определённую роль в этом сыграл избыток земли для раздачи, образовавшийся у казны в результате завоеваний.

Такая иерархическая структура очень подходит для освоения территории, занимаемой Россией. Вероятно, и сама освоенная территория в том виде, как есть – без широкой автономизации – требует подобной структуры. Я думаю, что освоение малонаселенных Сибири и Дальнего Востока русскими явилось следствием двух вещей:

а) завоевания Средней и Нижней Волги царем Иваном Грозным в середине XVI в. Судя по всему, он не хотел ограничиваться востоком, а хотел завоевать всех своих слабых соседей, но на Западе не получилось. На Западе за слабых (Ливония и пр.) заступились сильные и существенно обкарнали русскую территорию. Потребовалось около 150 лет усилий, чтоб отвоевать утерянное. В Сибири же заступиться за небольшие ханства и другие полугосударственные образования оказалось некому;

б) унаследованной от Золотой Орды системы учёта населения по «дому/дыму». Именно дом в XV–XVII вв. был единицей и налогообложения, и армейского рекрутирования. Такая система способствовала укрупнению семей (с одной-то семьи ведь возьмут вдвое меньше, чем с двух!), в которых молодёжь, да и другие не привязанные индивиды оказались в значительной степени не учтёнными. Маргинальные члены такой семьи уходили, пополняя всевозможные приграничные формирования, начиная от казачества Дона и других «межграничных» рек и кончая мелкими и большими бандами.

Эти-то группы и развили необычайную активность по освоению необъятных территорий Сибири и Дальнего Востока, а затем и тихоокеанских берегов Америки. За какое-нибудь столетие восточные

земли были в основном освоены; имена простолюдинов Ермака Тимофеевича, Ерофея Хабарова, Семёна Дежнёва и др. остались на карте как память об этом движении. Я специально останавливаюсь на этом моменте – как примере чисто народного деяния, противоречащем популярным утверждениям, приписывающим русским пассивность и отсутствие предпринимательского духа¹. Рискну даже утверждать – вопреки мнению тех, кто выводит черты русскости из свойств необъятной равнины, на которой раскинулась Россия, что, напротив, это именно свойства русской цивилизации позволили именно русским, из всего множества обитавших здесь народов – включая японцев и китайцев, успешно освоить эту территорию.

Эта удобная для населения, да и для страны, система учёта была разрушена Петром Первым в начале XVIII в. Получив от шведов по зубам (1701), он понял, что надеяться на успех в борьбе с ними за выход к морю через давно утраченные берега Балтики можно, только перестроив экономику и военное дело на современный лад, а для этого нужны деньги, много денег; и много металла – значительно больше, чем может дать начатая было кампания по переплавке монастырских колоколов. Еще меньше надежд было на выход в Черное море, крепко охранявшееся турецкой Портой. Пришлось менять систему учёта так, чтобы резко усилить приток денег в казну, а рекрутов – в армию. Пётр Первый сделал единицей налогообложения и военного рекрутирования любое лицо мужского пола, включая новорожденных, что в разы увеличило и сбор налогов, и пополнение армии. Пришлось создавать металлургию и связанные с ней производства не так, как в Европе, где промышленность развивалась медленно, прежде всего, в связи с развитием общества, а в связи с военными нуждами государства, по быстрому сценарию. Сталин не был первым, кто пытался обогнать Европу, не догоняя, и причиняя в процессе существенный урон населению.

Другим результатом наследственно-поместной системы являлась необходимость постоянного притока новых земель для раздачи, что и проводилось более или менее последовательно путём завоеваний. Завоеваниям сопутствовала основательная милитаризация быта и экономики. Не всегда военное счастье было

¹ Напомню один из более поздних эпизодов этого движения. Капитан Г. И. Невельской, в нарушение приказа, обследовал и описал остров Сахалин, а также основал поселение в устье Амура (1849–1950), за что и должен был понести примерное наказание. Только личное вмешательство царя Николая Первого превратило наказание в награждение.

на стороне русских. Это заставляло их грудью становиться на защиту отечества, пока что относительно успешно, будь то польско-литовское нашествие в XVII в., шведская кампания в XVII в., борьба с Наполеоном в XIX в. и, наконец, с нацистской Германией в XX в.

К середине XVIII в. русская армия смогла на равных сражаться с европейскими. В последующие десятилетия Россия сумела выдавить Турцию из Новороссии, Молдавии и Крыма; продвинуться на Кавказ, потеснив Персию и Турцию; в союзе с Пруссией и Австро-Венгрией разобраться с Польшей, включая, конечно, и Украину; а также вытеснить скандинавских соседей из Прибалтики и даже оттяпать у них Финляндию (1809). Надо сказать, что эти присоединения вышли России боком. Именно население западных окраин – кавказцы, поляки, евреи, латыши и пр. – породило тот горючий материал, который сыграл решающую роль в подъёме большевизма, а также захвате и удержании им власти в гражданской войне 1917–1920 гг.

Управление огромной территорией – серьёзная проблема, особенно при слабом развитии транспортной и информационных сетей. Главное следствие – вынужденная автономизация. Маркиз Де Кюстин, которого так не любят россияне за его эмоциональную критику их пресловутых деспотизма и рабских наклонностей, вынужден заключить («Путешествие по России в 1839 г.», письмо 34-е): «По идее все правила здесь так непреложны, что кажется, будто при таком строе и жить-то невозможно; а в действительности имеется так много исключений, что говоришь себе – при такой путанице противоречивых обычаев и привычек совершенно невозможно управлять государством».

Обратим внимание, что промышленность, искусство, наука, религия в таком обществе не играют никакой самостоятельной роли, привлекаясь только в случае крайней нужды; ясно какой – военной. Это означает – отсутствие эндогенного технического прогресса, не вызванного военными нуждами. Другое следствие – отчуждение населения и интеллигенции от управления и, как следствие, коррупция власти. Страна ходит по кругу. Эта статичность хорошо выражена поэтом в знаменитых стихах о России:

«Ну что ж? Одной заботой боле –
Одной слезой река шумней.
А ты всё та же – лес, да поле,
Да плат узорный до бровей...»
(А. Блок)

Замечу, что К. Касьянова (псевдоним В.Ф. Чесноковой): видит в этом один из самых древних способов существования «Леви-Стросс говорит о первобытных обществах, что они “эксплуатируют природную среду так, что это гарантирует скромный уровень жизни и вместе с тем защиту природных ресурсов... Их политическая жизнь основана на единодушном согласии и допускает только единодушные решения...” Это – способ существования суровый, но рассчитанный на вечность... Эти общества не нацелены на развитие, движение в каком-то определенном направлении: они существуют в вечности...» [1].

Вот так идеал единой правды приводит к «идеальной» структуре общества – трехчленной иерархии с центральным руководством, назначаемыми им местными руководителями и населением.

Современные понятия либерализма, демократии, тоталитаризма и пр. в значительной степени определяются англоязычной наукой и практикой, в той или иной мере вобравшей достижения итальянских, французских, немецких и других европейских мыслителей. Согласно этим представлениям, в обществе должно быть несколько центров власти, из которых главные – три: законодательная власть (парламент), исполнительная (президент и совет министров) и судебная власть. В Великобритании к этому добавляется еще один центр – монархия и феодальная структура наследственных собственников земли, представляющий долгосрочную компоненту общества. Главный субъект истории и политики – народ, который выбирает и то, и другое, и третье, с учетом исторически складывающихся антикоррупционных механизмов и противовесов.

С этих позиций идеал российской государственности – это ещё одна тоталитарная система. Какие там наследственные собственники, когда земля общая! В каком смысле независимая судебная власть? Она, что, сможет прийти к своей собственной истине? А вдруг эта истина будет не соответствовать правде, представляемой народом и государством? Она нам будет говорить: давайте судить по закону, а не по понятиям. Долой, не допустим! Независимые центры власти могут приходить к различающимся, и иногда сильно, мнениям по поводу того или иного вопроса. Это безусловно противоречит основополагающей идее единой правды. Понятно, что как бы близко такая единоправедная Россия ни пыталась включиться в европейские

структуры, она всегда будет оставаться чужой, а значит – роль мальчика для битья ей обеспечена: единая правда и соборность противоречат европейским концепциям разделения власти, индивидуальных прав и законности.

Отмечу еще один важный, на мой взгляд, тезис: эти же особенности российского менталитета приводят к отсутствию инновационной системы и статичности общества. Остановлюсь на этом подробнее.

Нормальный русский считает себя представителем не только огромной военной мощи, но и технически одарённой нации, давшей миру большое количество изобретений и инноваций. Как это ни печально, восприятие русских европейцами сильно отличается (для удобства я причисляю к Европе и страны, выросшие из вновь освоенных земель Британской империи, – США, Канаду, Австралию и пр.).

Начиная с эпохи Возрождения, развитие Европы поочередно определялось такими регионами, как Португалия и Испания (освоение континентов и океанов), Северная Италия, Бельгия и Голландия (финансовые и торговые институты), Англия (промышленная революция), Франция (военное дело и политика), Германия (протестантство, философия и литература, впоследствии – химия и химическое производство) и пр. Россия присоединилась к этому движению только в XVIII в. в качестве ученика. Правда, уже в следующем веке она преуспела в качестве инноватора, но не в технике, а в искусстве. Понятно почему: в народе, как отмечают многие писатели и философы, полно таланта. А быть инноватором в искусстве значительно легче, чем в промышленности – нет необходимости в наличии развитой системы приема и воспроизведения цепочки инноваций. Такая цепочка не может существовать в России единой правды, потому что инновация – это всегда нарушение принятого порядка, противоречащее идее соборности, и значит, не поощряемое, а наказуемое.

Молодой писатель времен «позднего культа» В. Дудинцев сделал себе имя, описав хождения по мукам инженера, пытавшегося «внедрить» изобретенные им какие-то особенные трубы в советскую плановую систему. Да что трубы – в Институте экономики и организации промышленного производства АН СССР в Академгородке работал В.С. Мучник, который еще до войны изобрел систему гидродобычи угля и которого поддержал лично

И. В. Сталин, выделив одну из донбасских шахт для внедрения метода. Система тщательно пережевала изобретение и, дождав-шись часа, выкинула его на обочину – в академическую науку.

Вспомним наших выдающихся изобретателей – В. К. Зворыкина (телевизор) и И. И. Сикорского (вертолет), успешно работавших в США – совершенно очевидно, что запуск в серийное производство таких устройств возможен при российской системе центральной власти только по очень серьезному указанию свыше и исключительно на экстенсивной основе, т. е. путем создания новых производств, а не модификации существующих. Промышленность, находящаяся в руках государства, не способна идти против течения, а именно этого требует создание новых технологий. Принцип соборности, который отмечали многие российские мыслители, отвергает саму возможность существования небольших групп инакомыслящих, если, конечно, они не скрывают своего инакомыслия. Такая система не может меняться постепенно и изнутри, следовательно, обречена на периодические конвульсии, пожалуй, что пострашнее тех, что сотрясают змею, когда она меняет кожу.

В искусстве же как раз наоборот, речь идет не о серийном, а о штучном производстве. Достаточно наличия одного театра – и возникают Станиславский, Чехов и Горький; достаточно одной консерватории – и возникают Чайковский и Рубинштейн; достаточно одной ориентированной на живопись ресторации – и возникают «Бубновый валет», Кандинский и Малевич. Эти имена – гордость мировой, не только русской, культуры.

Особенности поведения русского человека

Исходя из сказанного, можно сформулировать основные поведенческие черты россиянина. Конечно, индивидуальные психологические различия между отдельными индивидами при этом могут быть сколь угодно различающимися. Мои заключения касаются характеристик поведения, принятых в данном обществе. В какой-то мере это можно отнести к «генетике общества» – то, что передается из поколения в поколение через семью, среду и обычаи. При этом мне придется использовать не совсем привычную терминологию – ну что поделать. Заранее прошу психологов быть снисходительными к моему непрофессионализму. Я честно пытался найти в международной научной литературе

по психологии темы и понятия, созвучные рассматриваемым далее, – не нашёл.

Всего у меня получились четыре более или менее различимые общие характеристики, каждая из которых представляет собой набор поведенческих черт и характеристик, которые далее будут развернуты более подробно. Это: (а) самонедостаточность, (б) слабая компартиментализованность (относительная нерасчлененность) личности, (в) ориентация на настоящее время и (г) нечеткость границы между объективным и субъективным.

Формулировки не совсем традиционны. В какой-то мере они следуют тем, что уже упоминались выше. Частично они отражают мои многолетние размышления над явлениями жизни и их причинами в свете пушкинского стиха, так поразившего меня в раннем детстве: «Там русский дух! Там Русью пахнет». Рассмотрим их по очереди.

А. Самонедостаточность

Самонедостаточность россиянина вытекает из невозможности обычному человеку быть носителем правды. В чем она выражается?

Прежде всего, в том, что называется «сакральное восприятие власти государства» – естественно, как единственного возможного носителя правды. Выражается, в первую очередь, в подчинении собственных интересов государственным и общественным. Что, впрочем, не исключает индивидуальной независимости, недисциплинированности и даже нелояльности в «спокойные времена» – как говорит классический персонаж Грибоедовской комедии: «Служить бы рад, прислуживаться тошно».

Вероятно, сюда же нужно подверстать и отношение к земле как общей собственности, которая ну никак не может принадлежать целиком отдельному индивиду. Недаром говорят, что из всех славян выражение «мать сыра земля» встречается только у русских. Замечу, что, в отличие от Западной Европы, российская система наследования испокон основывалась на семейном владении. Например, еще до татаро-монгольского нашествия русская земля, при всей её раздробленности, рассматривалась как единое поле, которым Рюриковичи владели не по отдельности, а сообща. Никто из князей не был закреплён ни за каким конкретным княжеством; они передвигались в соответствии с изменениями мест в иерархии. Принадлежность собственности

семье приводит к невозможности майората – английской системы наследования, при которой все принадлежит только одному члену семьи, а остальные ищут другие способы существования. Некоторые считают, что именно майорат привел к обществам, основанным на частной собственности и открытом рынке, – существенных факторах развития экономики, передовой науки и технологии (см., в частности, труды А. Янова). В России идея майората успеха не имела никогда. Введённый было Петром Первым в 1718 г. майорат был отменен после его смерти.

Индивид, ощущающий себя частью большой группы, при необходимости проявляет жертвенное поведение. Терпение, т. е. преодоление путем пассивного ожидания или даже неучастия. Это неучастие – а что зависит от маленького винтика? – имеет определенные неприятные и иногда даже трагические обертоны: от нежелания спускать воду в общественном туалете (отсутствии самоконтроля) до отказа от участия в общественных демонстрациях, и до нежелания поучаствовать в определении собственной судьбы. Эта привычка не протестовать, пока жизнь не очень давит; ждать, что все, что можно, будет и так доставлено начальством – в основе молчаливого согласия с общей правительственной политикой. Судя по всему, наше руководство имеет хорошо отлаженную службу оценки социальных ожиданий и немедленно идет на уступки, когда чувствует, что уровень протеста превышает определенный порог, не очень-то и высокий, как кажется. В последние годы так бывает очень редко из-за нежелания народа участвовать в не очень понятной активности неизвестно кому на руку. Но так бывало, например, когда пенсионеры запротестовали против (неподготовленной) системы монетизации льгот, или когда средний класс выходил с протестом против диких методов совершенно распоясавшейся полиции в зиму 2011–2012 гг.

Обратная сторона самонедостаточности индивида – нужда в принадлежности к теплому и дружескому кругу. Эта нужда – выше, чем нужда в самоутверждении путем, скажем, успешной научной работы или налаживания личного бизнеса. Несколько упрощая, можно сказать, что для русского – хорошая компания (группа, с которой идентифицируешься) важнее, чем успешный результат. Низкий престиж ячества, т. е. самоутверждения, а значит, и предпринимательства – в смысле зарабатывания прибыли.

Трудом праведным не наживешь палат каменных – эта пословица – не только итог наблюдений, но и поведенческий совет.

Человек у нас как бы не имеет значения вне коллектива. Поэтому возникают сюжеты, когда отдельных людей буквально растаптывают, и никому до этого нет дела – потому что коллектив «всегда прав».

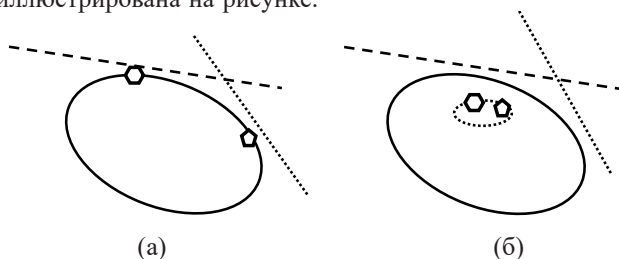
Б. Относительная нерасчлененность – или слабая компартиментализованность – личности

В первом приближении личность – это некоторая постоянная ментальная структура, определяющая способы реакции человека на различные воздействия. Имеется не менее десятка различных теорий личности, но ни одна из них не включает положения, которое представляется мне очевидным: превалирующая структура личности индивида соответствует структуре общества, в котором он существует. Соответственно, личность западного человека часто довольно сильно компартиментализована, как и общественные структуры – разделена непроходимыми перегородками на части – здесь религия, там карьера, здесь семья, а здесь дружба. Это порождает ситуации, которые нам в России даже трудно представить, когда, скажем, один другого подставит на работе, а потом идут вместе пить пиво: одно дело – бизнес, другое – личные связи. Как я понимаю, у российского человека такая компартиментализация на уровне личности в зачаточном состоянии, в соответствии со структурой нашего общества. В этом смысле мы все целостны. Уж если мы дружим, то и на работе, и дома; друг друга не выдадим, пусть даже в ущерб производительности или эффективности или семейным отношениям – западному человеку такое трудно понять! Недаром в романтический период строительства социализма все ошибки объясняли как сознательное вредительство.

Когда я первый раз работал с англичанином, в Организации экономического сотрудничества и развития в Париже в начале девяностых, он при прощании отметил как крупный недостаток то, что на моем лице отражаются все мои чувства. Я тогда так удивился, что не нашелся, что и сказать. Теперь бы я ответил ему, что в России так принято – считается невежливым не выражать эмоций сопереживания. Если человек не выказывает чувств – он волк, он чужой. Конечно, в этом наша сила – слабый человек всегда найдет поддержку среди своих. Но в каком-то смысле

и слабость. Изменение отношения к одной черте человека вызывает изменение ко всем; если не понравилось что-то, то не нравится всё. Оборачивается же это не критическим неприятием – а иногда и не критическим приятием – всего направления, что, в общем, сужает круг тем и методов.

Эта особенность хорошо иллюстрирует некоторые черты наших соотечественников, которые так удивляют Запад, например, любовь к крайним проявлениям; непоследовательность и даже противоречивость; черно-белая картина мира, в которой нет места средним состояниям. Связь слабой компартиментализованности личности с непоследовательностью внешних проявлений проиллюстрирована на рисунке.

Роль компартамента: при изменении цели (от штриховой к пунктирной линии) действие (многоугольник) не сильно меняется (часть (б)), особенно по сравнению с изменением при отсутствии компартамента (часть (а)).

Изобразим личность в виде овала, а желательную цель – отрезком прямой вовне. Овал слева не компартиментализован – в нем нет никаких отгороженных мест, тогда как в овале справа показан один компартимент, изображенный маленьким пунктирным овалом. Примем, что действие личности, вызываемое целью, выражается точкой, которая находится как можно ближе к прямой, изображающей цель². Исходная цель отображена на рисунке штриховой линией, а измененная – пунктиром. Исходное действие отображено шестиугольником, а измененное в результате изменения цели – пятиугольником. Небольшое изменение цели,

² Люди, знакомые с математической теорией оптимизации, увидят в этой иллюстрации «целевую функцию» (прямая) и ограниченное множество возможностей (весь овал на рисунке (а) или его малая часть, на рисунке (б)), а в правильном многоугольнике – оптимальную при данных ограничениях возможность.

выраженное изменением наклона прямой, вызовет значительное изменение действия у некомпартментализованной личности, как показывает рисунок (а). Напротив, если действие сидит в компартментализованной части личности (см. рисунок (б)), оно практически не меняется при том же изменении цели.

В. Ориентация на настоящее время

Существует мнение, что психологические проявления человека в значительной степени определяются тем, как он воспринимает время. Для одних людей психологически значимым является прошлое, для других – будущее, а для третьих – настоящее. Люди, живущие своим прошлым, довольно несчастны – они все время переживают, что когда-то где-то неудачно сказали или сделали, а исправить нельзя: поезд уже ушел! Люди, живущие в будущем, в основном счастливы. Их трудно сломить: что бы ни происходило с ними в настоящем, они уверены – в будущем им удастся учесть ошибки и так переломить судьбу. Еще более счастливы люди, живущие настоящим. Для них как бы не существует ни прошлого, ни будущего. Точнее, будущее для них, конечно, существует, но не как предмет планирования. «Давайте вяжемся, а там посмотрим», – говорят они.

Мне нравится эта идея. Во-первых, своей универсальностью. Во-вторых, тем, что не связывает особенности поведения с врожденными – значит, неизменяемыми – чертами. Человек может изменить свой способ восприятия времени, если захочет.

Очевидно, что с учетом произвола и деспотизма центральной власти в России жить настоящим значительно более приятно, чем будущим. Русский хорошо себя чувствует в атмосфере неопределенности. Конечно, она накладывает некоторые ограничения и предъявляет требования к способам выживания. Например, русский язык плывет во времени в сторону все большей неопределенности. Сначала, еще в дописьменные времена, отбросили артикли. Потом убрали разницу между условным реалистичным наклонением (помните, «если бы, да кабы...»), которое может воплотиться, если приложить усилия, и условным нереалистичным, которое уже ну никак. У французов, наоборот, на каждое глагольное наклонение про этот мир есть точно такое же – «имажинер» – про мир воображения, который никогда не наступит. Вторая половина XX в. ознаменовалась искоренением активного залога из устной и письменной речи

россиянина. Использование пассивного залога – хороший способ внесения неопределенности, особенно если нужно избежать ответственности. Например, смысл выражений «мы не сумели выполнить план» и «план оказался невыполненным» вроде бы один и тот же, но за первое надо бы наказать, а за второе – погладить по головке.

Пребывание в настоящем – ниша, где русская спонтанность дает фундаментальные преимущества. Неопределенность и неважность будущего освобождают от необходимости планирования. Зачем планировать, если завтра всё может поменяться с точностью до наоборот? Зато становятся так важны скорость реакции, выносливость, умение не теряться в суматохе, смекалка и многое другое, чем русские гордятся, и совершенно справедливо.

Жизнь в настоящем и низкая ценность планирования вызывают, мне кажется, и такую особенность поведения, как фатализм. Не то, что бы мы считаем, что будущее предопределено – конечно, нет. Но то, что от наших усилий не так уж много зависит, в это мы склонны верить самым решительным образом – что, конечно, обусловлено нашей привязанностью к поведению общества и группы.

Г. Нечеткость границы между объективным и субъективным

Нежелание четко разграничивать объективный, неподвластный человеку мир от субъективного, определяемого человеком, хотя бы в принципе, лежит в основе русского сознания. Это ясно не только из особого статуса понятия правды и глаголов, связанных с решениями, но и из того, что и мир объективный (вселенная), и мир субъективный (общество) обозначаются одним и тем же словом – мир. И неважно, что когда-то на письме эти слова различались в зависимости от того, какое «и» ставилось в них, осьмеричное или десятиричное. Ведь это слово существовало еще до появления письменности.

Эта черта имеет важное значение для поведения. Относится ли сюда привычка игнорировать письменные распоряжения начальства, я не знаю. Скорее, эта привычка – следствие излишней частоты и непродуманности начальственных указаний. Конечно, свой вклад даёт и отмеченное Л. Толстым в «Войне и мире» несоответствие – в больших событиях реальность всегда мало соотносится с предварительными планами – а ведь именно

из них обычно исходят начальственные предписания. И столь характерное для нас различие между двумя планами событий, так сказать, краткосрочным и долгосрочным, т. е. повседневной жизнью семьи и движением истории на уровне правительственных решений. А как трактовать отмечаемое многими историками, да и постоянно встречающееся сейчас, своеволие местных правителей и начальников?

Вспоминается деталь из истории Великой Отечественной войны, описанная в послевоенных мемуарах одного немецкого генерала. Немцы хорошо умели дешифровать приказы, отдаваемые армейским частям Советской Армии. Если, скажем, они узнавали, что такой-то части отдан приказ атаковать в такое-то время такой-то участок, то этот участок соответственно укреплялся, чтобы встретить наших во всеоружии. Проблемой оказалось то, что такие приказы редко исполнялись в точности. Например, атакующую часть срочно перебрасывают в район атаки, и вдруг заминка в движении поездов – что-то там не сложилось на какой-то промежуточной станции. То ли крушение, то ли что-то еще более срочное надо перевезти. И вот командир, оглядывая окрестности и сверяясь с картой, говорит начальнику штаба: «Давай двинем вон на ту высотку и атакуем оттуда, и не утром, а в ночь, прямо сейчас. В случае успеха как раз вовремя выйдем на указанный рубеж». Такое, с кондачка, решение зачастую приносило успех больший, чем по приказу.

А как трактовать наше нежелание признавать очевидные, но неудобные факты? А Шемякин суд, демонстрируемый, совершенно всерьез, вопреки всем обстоятельствам дела, и в наше время? Когда судят по понятиям блага государства (читай – высшего начальства), а не по закону?

«Кто виноват» и «Что делать»?

Ситуация современной России в исторической перспективе весьма необычна. Россия была легитимно авторитарно-централизованной державой все пять веков своей истории, с XVI в. по XX в. А что сейчас? С одной стороны, объявлена демократия. С другой стороны, полное нежелание народа в ней участвовать. Мол, хватит, наелись в девяностые! Точнее, демократии в смысле Запада – с приматом прав личности, с резким уменьшением функций государства, с резким увеличением свобод – хочет пе-

редовая часть интеллигенции, порядка 5% населения. Остальным милее трёхчленная структура во главе с национальным лидером. Потому-то и избирательная кампания пока что целиком находится в руках правителей; это они выбирают, а не народ. И выбирают – только «своих». Опять централизация, я бы сказал – тирания де-факто. Мы не успели вступить в период свободы – время Ельцина таковым не было, да и быть не могло, так, переходный период. Не успели набрать у Запада достаточного технического знания и умения. Промышленность хромает на все четыре ноги, народное хозяйство полупарализовано, а мы уже на всех парах – к точке замерзания.

Тот незначительный процент населения, которому не нравится автократия, пытается воспрепятствовать по-западному, протестами и демонстрациями. Такие протесты привлекают ничтожное количество людей и поэтому легко подавляются правителями. В результате в стране практически отсутствует свобода протеста. Зато присутствуют все элементы тоталитаризма, включая неправый суд, работающий скорее «на минус» парламент, коррумпированное чиновничество и пр., хотя на словах, да и в душе, многие правители хотели бы настоящей демократии, да не знают, как ее построить. Тем более что огромное количество более мелких чиновников совершенно лишены подобных желаний, предпочитая ловить рыбку в мутной воде. Поэтому не может развиваться и так называемая свободная экономика, банки лишены возможности самостоятельного инвестирования, а производители – открытой экономической среды. Работают – как обычно, не очень валко, – только структуры, обслуживающие государство. Я включаю сюда, конечно, и энергетику. Добыча и продажа огромных количеств нефти и газа позволяют режиму – до поры до времени – не спешить с проведением структурных реформ, без чего успешное освоение новейших технологий оказывается невозможным.

Запад видит, что мы не вписываемся в современный «однополярный» мир, и пытается нас воспитать через традиционную педагогическую политику «наказание - поощрение». Они «штрафуют» Россию при любых попытках самостоятельного существования. Так, перед Олимпиадой 2014 г. из тысяч отличительных черт российского общества было выхвачено негативное отношение россиян к половым извращениям. «Ах, вы не любите лесбиянок и геев – вы против свободы и толерантности – так

не поедем к вам в Сочи!» О надуманности этого предложения говорит то, что сейчас, через год и более, эта тематика полностью исчезла из международного дискурса. Еще бы, сейчас есть реальный повод для санкций – захват Россией Крыма, как я понимаю, в связи с возможными осложнениями геополитической обстановки на Черном море при свержении украинского президента.

Приходится слышать, что сверхцель этих санкций – сформировать общественное мнение против ведущих чиновников и в результате поднять народ против них. В свете сказанного, я думаю, эффект будет противоположный. Народ еще больше сплотится вокруг ведущих чиновников, будет относиться к ним еще менее критически и еще больше будет подозревать Запад в желании оккупировать Россию и навязать свои порядки. Но надо понимать, что многолетнюю борьбу с Западом на выживание мы не потянем. Постепенно будем все больше отставать в развитии технологий, что неминуемо скажется на качестве военной техники. А обращение за помощью к Китаю сулит неведомые риски – некоторые утверждают, что очень даже определённые и неминуемые – которые лучше бы в данной ситуации не испытывать.

Двести лет назад, когда А. Пушкин риторически вопрошал: «Иль нам с Европой спорить ново? Иль русский от побед отвык?», Европа была разьединена и ничего не могла поделать с российским гигантом. Сейчас ситуация противоположная. На стороне Европы – американский гигант, которому нет никакого дела до тонкостей нашего национального восприятия. Ему нужны однозначность и предсказуемость поведения в глобальном мире. Так же, как русский ориентирован на выживание в неопределённом мире, так американец абсолютно не переносит неопределённости. Он готов вынести любые тяготы, но ему нужен чётко сформулированный ожидаемый результат. Россия – «плохой русский» по Д. Хоскингу [3], пока она не дает возможностей положительной предсказуемости.

Рупоры либеральной идеологии не могут освободиться от извечной идеи, что-де правительство использует средства массовой информации, телевидение, для того чтобы оболванивать народ, добиваясь того, чтобы народ его поддерживал. Увы, эта идея, исходя из сказанного, неверна. Верно обратное – это народное мнение заставляет правительство вести себя в соответствии с его

чаяниями. А если так, то и тактику либералов следовало бы подкорректировать.

Я хотел было далее проанализировать основные обвинения, предъявляемые «клеветниками России» к русскому народу, такие как «рабство в крови» и «пьянство», но выяснилось, что не существует никакого сколь-нибудь общепринятого списка. Поэтому, кажется, такой анализ не нужен. Неосновательность упреков в рабстве давно вскрыта на исторических примерах. Думаю, что и другие упреки либо отражены в предыдущем тексте, либо основаны на недоразумении. Единственный упрек, заслуживающий отдельного комментария, это упрек россиянам в зависти к более успешным соседям. Зависть – грех неприятный, конечно, что и говорить. Но не будем забывать, что она сопутствует чувству справедливости и частично объясняется им – не так-то легко их и разделить. Это желание равенства в бедности, под предлогом справедливости, в какой-то мере способствует эффекту, на который обратил внимание М. Малый [8]: в России частенько можно увидеть отношение: «я проиграю, но и ты не выиграешь!» вместо более прогрессивного американского: «ты выиграешь, но и я выиграю». Ясно, что подобное отношение, часть айсберга терпеливости, не может вести к эндогенному техническому прогрессу и экономическому процветанию.

В связи с разговором о зависти и справедливости мне кажется важным отметить связь этих понятий с общественной нетерпимостью (имеется в виду, прежде всего, интеллигенция) к воровству. Апокрифический ответ «воруют-с» на вопрос о том, что происходит в России, показывает всю глубину проблемы. Любое хозяйственное или социальное развитие, будь-то прокладка новых дорог или строительство новых заводов, или существенный прирост населения – всё блекнет в России по сравнению с феноменом разворовывания казенных денег. Мне такое отношение кажется в корне неправильным. Оно ориентирует на непроизводительное содержание громадной иерархии контролеров – источника самоподдерживающейся коррупции, вместо ориентации на технический прогресс и развитие. Как разительно такое отношение отличается, скажем, от британского, где многие процессы пущены на самотек, лишь бы избавиться от систем запретов и лавины контролеров! Помню, как я был впечатлен видом процветающего городка Сэндвич на юге Англии – многолетнего местообитания

контрабандистов (товары из Франции), основанного ими же, как не без гордости сообщает табло на центральной площади – значит, преследовали их спустя рукава. Если есть десяток заподозренных в преступлении, из которых виноват один, мы посадим всех десятерых: главное, что виновник будет наказан; у них же, напротив, отпустят всех – лучше пусть зло останется безнаказанным, чем наказать девять невиновных.

В связи с разговором о коррупции не могу не процитировать диалог с одним из наших либерально ориентированных публицистов. Речь шла о тогдашнем мэре Москвы. «Не стоит его менять, – сказал мой собеседник; он уже прикарманил много чего, больше ему не надо. А новый непременно начнет хапать, потому что с нуля». Я возразил: «Дело ведь не в богатстве, а во власти; ее никогда не бывает достаточно. Было бы здорово, если бы состоялись нормальные выборы, так чтобы нынешнего мэра просто не переизбрали, но он или его соратники остались в политике. В таком случае эти люди, благодаря стоящему за ними капиталу, могли бы составить реальную оппозицию вновь избранной власти; и вовсе не обязательно преступную. Скорее наоборот, ведь они тоже о России радуют – вот и конкурентность, необходимое условие нормального развития! А иначе мы из монополии власти так и не вылезем». Увы, моим надеждам сбыться было не дано. Прежнего мэра убрали, как и связанные с ним капиталы, и опять власть в городе – в одних руках. Мне остаётся утешаться тем, что такой ход событий полностью соответствует концепции «единой правды».

По-моему, главная задача развития российского сознания – переход к плюрализму в идее правды. Правда – вещь относительная. Россия будет повторять колею общества без внутренних механизмов развития, в котором адаптация к прогрессу возможна только путём коренной ломки, до тех пор, пока превалирует идея единой правды.

В данной ситуации было бы правильно стремиться к постепенному усложнению структуры русской личности и, через это – русского общественного устройства, как путем вовлечения индивидов в активную общественную работу, так и путем улучшения системы образования. С одной стороны, современные экономические и демографические процессы неминуемо ведут к разрушению структуры русской семьи, русской школы и всей

системы воспитания – основных компонентов устойчивого наследования русского стереотипа и, значит, русской колеи. Тем самым эта структура размывается под действием естественного хода вещей. С другой стороны, хотелось бы как-то участвовать в таком структурировании этого процесса, который бы приводил Россию в Европу, а не выводил из нее.

Я вижу два типа действий по развитию российского сознания и российского общества. *Первое*, поскольку действующая конституция предусматривает широкое участие людей в управлении страной и – теоретически – дает много прав в этом направлении, надо учиться использовать эти права и постепенно улучшать ситуацию, избавляться от коррупции в тех – пока очень немногих – местах, в которых участвуют массы народа. Прежде всего, речь идет о выборах. При существующих порядках, когда организация подсчета голосов сделана так, что результаты находятся полностью в руках руководителей, конечно, отсутствует какая-либо связь между желаниями избирателей и поведением избираемых. Это дает основание говорить, что все вернулось на круги своя, «избранные» как бы избираются пожизненно. Но это не так. Все чаще люди «с улицы» берут дело наблюдения за деятельностью пунктов голосования в свои руки, через препятствия, через аресты и пр., и это действует! Только не надо успокаиваться, а надо усиливать контроль. Ведь имеется масса возможностей подделки на более высоких уровнях. Таким образом, через самодеятельность населения, через самоорганизацию постепенно будут вытравляться коррупционные проявления. Вот как подобную ситуацию описывает один из наших талантливейших публицистов: «Ройзман перестал мириться и начал действовать, а кому же это понравится! Мне самому его действия не нравятся. Но я понимаю, что никаких других в сложившейся ситуации нет: в России медленно, снизу, формируется государство. То самое, настоящее, главной задачей которого служит забота о населении, а не разнообразные изобретательные способы сделать его жизнь невыносимой» [11].

Второе – это активные исследования и обсуждение теневых сторон «русского духа», разъяснение того, что правда – понятие плюралистическое, что существование одной, самой главной правды, вовсе не обязательно. Напротив, единая правда характерна только для очень простых ситуаций, типа «кто кому дал

по морде». Более сложные ситуации скорее напоминают популярную притчу о трех слепых, которым показали слона.

Я хочу быть правильно понятым. Вышенаписанное – это анализ, а не программа действий. В частности, я совершенно не ратую за ускорение демократических преобразований. Например, российский климат предъявляет очень серьезные требования к системе поддержания тепла в зимние холода. Кто оплачивает эти непомерные расходы? Государство – ведь в настоящее время население считает немыслимым дальнейший рост потребительских цен на энергетические ресурсы. Где государство берет деньги на энергетику? От продажи нефти и газа, а также от увеличения налогов на бизнес. Я думаю, оно бы и радо было брать с населения, да боится. Серьезное повышение налогов с населения чревато возвращением к «черному налу» девяностых, когда по бумагам никто ничего не зарабатывал. Но ведь брать с бизнеса – все равно, что пилить сук, на котором сидишь. Во всех нормальных странах бизнесу всячески потворствуют, уменьшают налоги – лишь бы открывались предприятия, лишь бы росла занятость, лишь бы создавались товары для продажи. У нас же бизнес тянет за всех и все тянут с него.

Без справедливой цены на продукты энергетики говорить о сбалансированности экономики и, тем более, демократии – мне кажется, рановато. Наше население пока к этому не готово. Общество не созрело не то что для формирования политических партий, но и для участия в поддержании простого экономического баланса. Это хорошо видно по тому, например, как много людей возражает против того, чтобы взять в свои руки дело капитального ремонта, т. е. платить за него. Они не видят никакой связи между всевластностью и, как следствие, коррупционностью администрации, и тем, что население не желает участвовать в поддержании городского хозяйства. Научное сообщество должно более энергично заниматься разьяснением этой и других подобных цепей обратной связи.

Заключение

Из текста должно быть ясно, что понятия «русский» и «россиянин» в нем синонимичны, так как генетически наследуемые свойства не упоминаются вообще. Основные тезисы:

- социальное поведение россиянина определяется не столько психологическими или природными факторами, о которые положено столько копий, сколько склонностью верить в то, что каждое общественное событие, явление или процесс имеют подоплекой некую единую «подноготную правду»;

- идея жизни по правде, единой и «неделимой», предопределяет всё те же грабли – трехзвенную «соборную» структуру российского общества «правитель – вертикаль власти – народ», которая лишает общество внутренней энергии развития, необходимой для технического прогресса и экономической независимости;

- эта же идея предопределяет многие особенности поведения россиянина (самонедостаточность, нерасчлененность личности, жизнь в настоящем с невниманием к планированию будущего и пр.);

- история России с XVI в. – это история усилий власти по унификации населения при необходимости сохранения и укрепления государства, результирующих в циклическом процессе, вековой «колее», приводящей каждый раз к смутному времени, наступающему в результате всеобщего разочарования, убеждения, что так жить нельзя и нужно всё поменять (см. подробнее в [12]).

Литература

1. Касьянова К. (Чеснокова В.Ф.) О русском национальном характере. URL: <http://www.etnosy.ru/node/502>
2. Ильин В.Н. Манифест русской цивилизации. – М., 2013.
3. Hosking G. Russian History: A Very Short Introduction. – Oxford University Press, UK 2012.
4. Лукин А.В., Лукин П.В. Умом Россию понимать. – М.: Весь мир, 2015.
5. Inkeles A., Bauer R. The Soviet Citizen/ Daily Life in a Totalitarian Society. – Cambridge Mass Harvard University Press, 1959.
6. Сергеева А.В. Русские. Изд. 3-е. – М.: Флинта/Наука, 2012.
7. Заславская Т.И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. – М.: Дело, 2004.
8. Малый М. Как понимать Россию. URL: <http://russia-as-it-is.ru/knigi/kak-ponimat-rossiyu> (дата обращения: 18.09.2015) .
9. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. – М., 2001. – С. 447.
10. Бенедиктов Н.А. Русские святые. – М., 1998.
11. Быков Д.Л. Что-то делать. URL: <http://www.novayagazeta.ru/arts/64629.html> (дата обращения: 20.09.2015).
12. Миркин Б.Г. Правда: Русская национальная идея. URL: <http://www.hse.ru/mirror/pubs/share/165339857>(дата обращения: 08.11.2015).